

УДК 32.019.5

Историческая память в современном политологическом дискурсе

Медушевский Николай Андреевич

Доктор политических наук,
доцент кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Историческая память в современном политическом дискурсе выступает важным атрибутом диалога общества и власти. Историческая память встает на повестке дня в период проведения национальных праздников, международных переговоров, решения территориальных споров, проведения социальных реформ и т. д. Причины такой востребованности идеи исторической памяти кроются в том, что в демократическом обществе социум является активным участником политических отношений и строит свое взаимодействие с властью исходя из своего опыта и видения прошлого. В то же время видение обществом прошлого не является константой и может подвергаться спекуляции. Таким образом, происходит манипулирование общественным мнением по вопросам, связанным с исторической памятью. Более того, роль историка как хранителя исторической памяти во многом девальвируется, так как консервативный взгляд на историю уже не считается демократичным и констатируется, что история принадлежит гражданам, хотя сами граждане воспринимают ее лишь фрагментарно. Это становится основанием для политической спекуляции и реализации политики памяти, т. е. политики управления сформированными воспоминаниями граждан, связанными с патриотизмом, национальной идеей и другими формами.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. Историческая память в современном политологическом дискурсе // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 3А. С. 5-14.

Ключевые слова

Историческая память, политика памяти, коллективная память, воспоминания, самовосприятие.

Введение

Словосочетание «историческая память» обозначает восприятие обществом или группой своего прошлого в контексте взаимодействия с другими обществами и группами. Часто в научной литературе можно столкнуться с другим словосочетанием – «коллективная память». Данный термин по своему смысловому значению шире и объединяет множество аспектов восприятия обществом себя не только в контексте исторического генезиса, но также применительно к политике, культуре, искусству, религии и другим принципиальным вопросам. В данной работе мы трактуем историческую и коллективную память в русле традиции, которая была заложена в работах Пьера Нора и его научной школы, а также ряда других европейских авторов, в числе которых Б. Андерсон, А. Ассман, Я. Ассман, М. Хальбвакс, П. Хаттон и др.¹ Следование логике исследований данных авторов предполагает размышления о политике памяти в рамках современной европейской традиции, в противовес ее консервативному и, возможно, религиозному или идеологизированному восприятию, имеющему место в странах Востока.

Следует отметить, что, несмотря на глубокую проработанность темы, она тем не менее не является исчерпанной, так как вопрос о сути исторической памяти и ее формах, в том числе современных, остается открытым. Более того, представляется весьма туманным будущее обществ, которые начинают свободно трактовать историческую память в угоду, к примеру, текущим социальным или конъюнктурным интересам. Обратим внимание на то, что так поступает большинство современных развитых обществ, так как историческая память выступает очень ценным политическим ресурсом. В современном дискурсе существует даже предположение о том, что деформализация истории – ее освобождение – неизбежно приведет к ее утрате и гибели общества либо его мутации. Тем не менее, несмотря на наличие крайних трактовок, мы исходим из того, что современный свободный подход к трактовке истории не обозначает предопределенности, а скорее просто символизирует новую формацию развития человеческого общества в контексте его эволюции и самовосприятия.

В диалоге с Пьером Нора

Апеллируя к работам П. Нора, можно констатировать, что данный автор рассматривает современность как своего рода новую эру восприятия человеком и обществом самих себя. Эта эра сформировалась недавно и, вероятно, для многих стран еще даже не наступила (хотя Нора видит ее глобальной), однако в странах Европы она уже на протяжении более чем 30 лет определяет сознание людей. Можно бесконечно спорить об отправной точке для старта данной эпохи. К примеру, сам Нора, опираясь на опыт Франции, говорил о том, что стартом послужила смерть Де Голля, которая ознаменовала конец поствоенного периода, характеризовавшегося выверенностью позиций по отношению к истории XX в. и ее основным переломным моментам.

---

¹ См., например: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001; Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Тем не менее для всей остальной Европы такой перелом наступает с распадом СССР, который берет свое начало в политике Перестройки М. Горбачева. Таким образом, разница в старте составляет не менее 15 лет. Нора указывает на то, что кризис коммунистической идеологии породил смену режимов по всему миру, например в Латинской Америке. Мы подробно рассматривали эту тему в статьях «Политика памяти – актуальный вызов регионального развития. В диалоге с книгой Элизабет Джелин “Борьба за прошлое: как мы строим социальную память”» [Медушевский, Политика памяти..., 2019] и «Применение латиноамериканского опыта формирования региональной политики памяти в российской практике» [Медушевский, Применение..., 2019]. Тем не менее и сегодня объективно сохраняются общества, например китайское или иранское, которые не преодолели данного переломного момента по идеологическим или религиозным соображениям.

Тем не менее для «европейского мира» данная эпоха наступила и, вероятно, в перспективе многих десятилетий будет только усиливаться, укореняться и захватывать новые территории и общества.

Говоря об эпохе, следует четко обозначить ее характерные моменты, которые стали водоразделом, отличающим ее от предыдущего периода. В частности, основное, на наш взгляд, свойство новой эпохи – это переход права трактовать историю и размышлять о ней от историка к «неисторику». Под «неисториком» нами в данном случае понимается любой индивид и, более того, все множество индивидов, которые в большинстве случаев не обладают всей доступной полнотой исторической картины. Иными словами, общество, подталкиваемое политиками или локомотивами мнения, например необразованными блогерами, решает, как относиться к конкретному историческому явлению или периоду. К примеру, в российском современном обществе часто встречаются две противоречащие морально, но дополняющие друг друга формально позиции: «при Сталине было хорошо, был порядок» и «при Сталине было плохо, были репрессии». Фактически оба эти утверждения отражают понимание исторической эпохи, но они субъективны, фрагментированы и не доказываются сторонниками иначе чем на уровне популизма.

Факторы трансформации восприятия истории

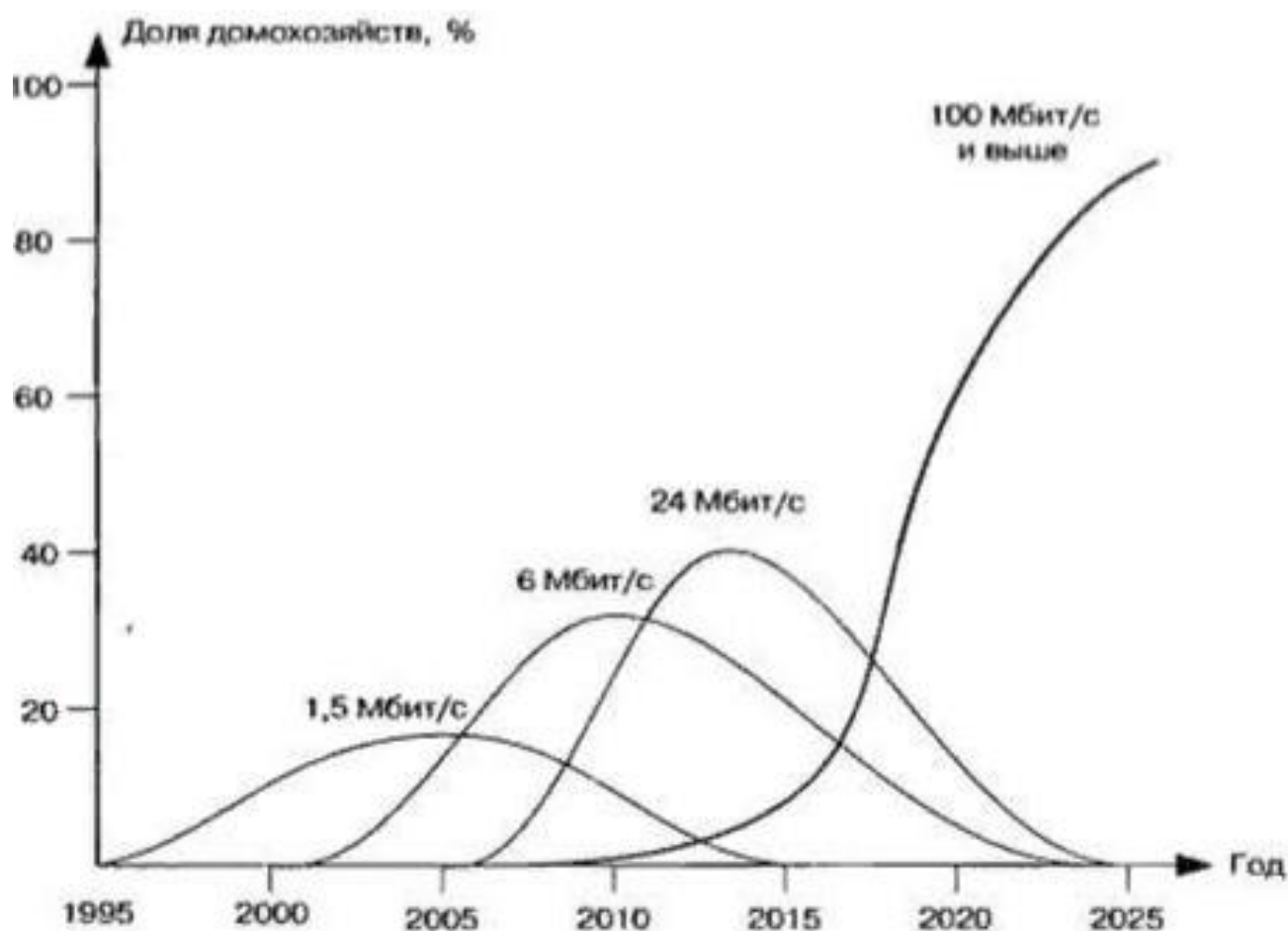
Важным является и еще один момент. Примерно до 1960-х гг. история – это описание периода, который живущее поколение не застало или почти не застало в своем большинстве в силу возраста и короткого срока человеческой жизни.

Таблица 1 – Средняя продолжительность жизни по странам мира в различные эпохи [Зубец, www]

Годы	Западная Азия	Великобритания	Германия	Россия	США	Франция	Япония	По миру в целом
1751-1800 гг.	30	35-39		22-30	32-33	26-36		32-33
1801-1850 гг.	30	38-50	37-38	22-30	34-36	32-42	36-38	33-35
1851-1900 гг.	30	41-50	37-47	24-27	37-48	40-47	36-44	33-39
1901-1950 гг.	31-32	47-69	44-67	28-58	49-68	46-67	37-61	40-46
1951-2000 гг.	33-66	69-77	68-77	59-66	69-76	67-78	62-80	47-66

Тем не менее в 1960-е гг. во многих странах происходит скрытый демографический перелом, который позволил людям, родившимся в 1920-1930 гг. прожить более 70-80 лет и перенести через этот отрезок времени живую память очевидцев исторических событий, которые смогли пережить срок существования формализованных идеологических штампов и, например, передать современным поколениям субъективный, но в то же время коллективный взгляд на репрессии, героизм, идеологическую систему прошлого, войны, революции и другие «кейсы», которые в классической истории неизбежно обрастали штампами и формализовывались в учебниках истории и классических исторических исследованиях. Перелом возник в результате увеличения продолжительности жизни за счет развития медицины, социальной инфраструктуры, исчезновения определенных рисков для жизни и здоровья.

Следует отметить, что обозначенный демографический перелом стал, возможно, основным, но не единственным фактором. Наряду с ним можно говорить о развитии в конце XX в. механизмов популяризации информации, без которых свидетельства очевидцев прошлого могли бы никогда не дойти до современников. Таким образом, речь идет о развитии СМИ и интернет-технологий, которые, войдя фактически в каждый дом, принесли критический объем информации, перевернувший мировоззрение рядового гражданина либо навсегда его изменивший.

Рисунок 1 – Изменение скорости передачи информации и охвата домохозяйств системами передачи информации [Зензин, www]

Более того, можно говорить о навязчивости информации и возникновении определенной моды социального участия через отношение к прошлому. В качестве примера можно рассмотреть возникновение в XXI в. универсальной национальной символики, демонстрирующей принадлежность человека к историческим событиям (например, георгиевская лента, цветок мака и иная атрибутика, ставшая массовой).

О формах изменения мышления и исторического самовосприятия можно говорить очень много, так как они охватывают практически все сферы человеческого существования. Первой и самой видимой, вероятно, выступает критика существующей системы знаний и ценностей, связанной, к примеру, с отрицанием официальной истории государства или региона. Так, официальные учебники истории могут на протяжении десятилетий скрывать наличие этнических или религиозных конфликтов, камуфлируя память о них, но «освобождение истории» неожиданно формирует на повестке дня несколько противоборствующих исторических моделей, каждая из которых представляется правильной для ее создателей. Следствием такого восстановления истории неизбежно становится широкий поиск доказательств ее правильности и правомерности, в том числе через воссоздание неофициальных версий, подтвержденных только личными воспоминаниями или условными артефактами. Это, в свою очередь, способно создать так называемый культ корней, который во многом перекликается с архаичной идеей избранности того или иного народа или группы. Данный культ способен «как бы» обосновать право на территорию, язык, культуру и историю, даже если формально такого права у группы нет и она лишь недавно откололась от более крупного социокультурного образования. Отметим, что стремительное воссоздание культа корней сопряжено с исторической практикой его подавления на идеологическом, политическом, сословном и других уровнях. Этот культ не возникает из ниоткуда, но речь идет скорее о стремительном увеличении его сторонников и абсолютизации ценностей, ранее занимавших периферийное положение в общественном мышлении из-за страха, нецелесообразности, запрета агитации и свободы слова и т. д.

Следует обратить внимание на системность всех происходящих изменений. Например, желание получить собственную историю может подкрепляться развитием генеалогии, созданием музеев и мест памяти, утверждением памятных дат, не являющихся таковыми изначально, юридической люстрацией старого порядка, публикацией архивов и частных коллекций, мемуаров и т. д. вплоть до перезахоронения и канонизации героев прошлого.

К сожалению, все описанные действия несут в себе конфликт и не способствуют развитию реальной исторической науки, основанной на фактах и «любящей тишину кабинетов». В итоге возникает «общественная история», которая во многом искажена и фальсифицирована, но в то же время близка общественности, которой нравится информационный резонанс и отрицание единого прошлого.

Идея истории, которую пишет общество в терминологии Нора [Нора и др., 1999], сопряжена с идеей национальной «памяти», которая, в свою очередь, выступает продуктом взаимовлияния современного времени (вызовов, про которые мы говорили выше) и общества в его текущем трансформационном состоянии.

Здесь уместно вспомнить о существовании так называемой модели Аткинсона и Шиффрина. Данные авторы размышляли о структуре памяти как таковой и предложили следующую модель, объясняющую восприятие ее работы.

Рисунок 2 – Модель Аткинсона и Шиффрина [Кордуэлл, 2000]

В данной модели человек воспринимает информацию вне зависимости от того, является ли она первичной или вторичной. К примеру, он может воспринимать данные из Интернета или школьный курс истории. Далее эти данные проходят через уровень сенсорного хранения, который является очень кратким, но обязательным. Сенсорная память – память чувств (вкус, зрение, слух и др.). Через сенсорный этап информация переходит на уровень кратковременной памяти, которая аккумулирует информацию на срок менее 20 секунд и не более чем о 5-7 объектах. Наконец из блока краткосрочной памяти информация попадает на уровень долгосрочной памяти, в которой информация может храниться вплоть до конца существования биологического объекта.

Формально данная схема соотносима лишь с жизнедеятельностью отдельного индивида, но можно выдвинуть предположение о том, что общество в своем восприятии реальности действует по тому же самому принципу. Так, сенсорный уровень соотносим с личным восприятием ситуации, так как каждый использует собственные органы чувств, но на этапе краткосрочной памяти происходит некая «сверка ощущений» между лицами, объединенными общей ситуацией. В этот же период формируются и общие эмоции, будь то гнев, паника, поощрение или приветствие кого-либо. Такие эмоции являются коллективными и опираются на множество индивидуальных впечатлений, преобразованных в знания. Показательно, что данные впечатления-знания имеют лишь косвенное отношение к долговременной памяти, которая глубже, полнее, систематизированнее и в конечном итоге полезнее. Тем не менее долговременная память не только полезна, но и сложна в использовании, так как для ее применения необходимы наличие данной памяти в определенном масштабе, а также навык и время для ее анализа и применения. Фактически обе эти характеристики не всегда уместны и противостоят инстинктивному поведению, которое, в свою очередь, является «срочной реакцией». В связи с этим можно выдвинуть гипотезу о том, что жители современных развитых стран хотя и обладают высоким уровнем образования, находясь под воздействием

«информационного шторма», начинают во многом мыслить и действовать инстинктивно, ориентируясь на поведение друг друга в большей степени, чем на свой информационный капитал, который они либо не успевают, либо не могут, либо не хотят применять.

Таким образом, уровень краткосрочной памяти непропорционально расширяется и даже начинает доминировать над долгосрочной памятью в массовом выражении, хотя ее содержание остается определяющим поведение индивида в индивидуальном контексте. Более того, можно предположить, что с учетом роста коммуникаций индивид все меньше остается наедине с самим собой и необходимость реакции на внешние раздражители приобретает все более экстремальный характер, на что указывает, к примеру, рост в современном обществе психологических заболеваний. Так, за 15 лет численность больных шизофренией и депрессией в мире увеличилась более чем на 40% [Лесняк, www].

Через рассмотрение данной условной ментальной модели можно прийти к заключению, что идеи Нора в целом верны и развитие пост индустриального общества ведет человека к изменению его поведенческих особенностей, в том числе связанному с уменьшением внимания к содержанию долговременной памяти в пользу деталей памяти кратковременной.

Рождение нового измерения памяти

Сам П. Нора пишет примерно о тех же характеристиках, упоминая, например, «ускорение истории», значение которого сложно переоценить. Суть данного явления связана с информационным насыщением, которое, в свою очередь, продиктовано развитием коммуникативного пространства от книгопечатания до Интернета. Можно констатировать, что прошлое приближается и память о нем становится актуализированнее.

Нора констатирует, что это ведет к разрушению восприятия времени, но, вероятно, это не совсем правильно, так как человек принадлежит эпохе, а современная эпоха диктует новые правила, которые можно истолковать как принцип «живи здесь и сейчас», который получил выражение как в повседневной практике, так и в психиатрии [Козлов, www]. Таким образом фактически разрушается единство времени. К примеру, современные психиатрические практики предлагают человеку вновь, как будто в реальности пережить ситуацию из прошлого, что должно трансформировать его восприятие данной ситуации в контексте применения гештальт-терапии. Другим, более повседневным восприятием реальности прошлого, к примеру, могут стать видеоигры или программы, позволяющие воспринять альтернативную и дополненную реальность. В таких условиях человек становится «как бы участником» событий прошлого, которые воспринимает как повседневную реальность. Фактически данный перенос из настоящего в прошлое обозначает девальвацию ценности реального настоящего, которое начинает приравниваться к будущему без четкого понимания того, что будущее представляет собой на самом деле, так как разрушается его консервативное восприятие.

Здесь снова уместно обратиться к концепции Нора и констатировать, что он описывает три модели представления о будущем. В частности, он пишет о том, что будущее представляли как реставрацию прошлого, как прогресс или как революцию. Если посмотреть на сегодняшнее общество, то можно заметить, что ни одна из трех форм не является чистой, так как, например, существует феномен цветных революций, которые одновременно объединяют в себе три тренда. Для примера можно рассмотреть революцию в Египте, которая комбинировала идеи прогресса и идеи религиозного ренессанса, будучи при этом радикальной (носила характер революционной борьбы) [Шишкина, www].

Возможность объединения данных трех моделей породила неопределенность будущего и его циркулярную, а не линейную связь с прошлым. В любой момент будущего может оказаться востребован относительно случайный момент истории прошлого, который будет что-то символизировать, доказывать или опровергать из набора событий и явлений, актуальных в настоящем. Подобный подход не подразумевает жесткой систематизации и по своей сути хаотичен, но в то же время предполагает необходимость усиления памяти о прошлом, которая может быть уподоблена старому чулану, полному вещей разных эпох. Образ данного «чулана» символизирует наше многообразное наследие, которое мы в первую очередь обязаны сохранять и накапливать, а уже во вторую – пытаться понять и применить. Фактически именно в этом заключается упомянутый П. Нора «долг памяти».

Наряду с долгом памяти и ответственностью перед будущими поколениями нельзя не отметить разрыв, который возникает у современного человека с прошлым. Несмотря на увеличение продолжительности жизни, наличие всевозможных музеев и телепередач, сегодня нельзя говорить о долгосрочной преемственности идей и даже поведенческих моделей. Например, в российской практике 1990-е гг., от которых нас отделяет всего 20 лет, уже считаются эпохой, в которую господствовали другие принципы, нежели те, что господствуют и определяют наше поведение сегодня. Советский период российской истории и вовсе делится на 4-5 периодов, каждый из которых – это тоже «эпоха». Если мы посмотрим в прошлое, то обнаружим, что еще в XIX в. эпоха предполагала очень продолжительный период царствования нескольких монархов и была связана даже не столько с личностями, сколько с образом жизни разных сословий. Сегодня же образ жизни меняется каждые несколько лет, заставляя нас очень внимательно следить за настоящим и очень быстро забывать о прошлом, складывая его в метафоричный «чулан», даже если это наше личное прошлое, просто потому, что оно более не актуально. Тем не менее мы, живущие сегодня, не можем безоговорочно перевернуть страницу истории. Именно поэтому в нашей жизни возникают символы, которые знаменуют наше прошлое, но скрывают большую его часть для простоты восприятия.

Можно сказать, что это неизбежное развитие событий, которое чем-то напоминает архивирование воспоминаний. Его неизбежность связана с обилием, многообразием, вариативностью и преумножением информации, которая оставляет в наших воспоминаниях только следы и связанные с ними эмоции. Для того, чтобы вспомнить прошлое и восстановить связь символов, оказывается уже недостаточно просто истории, потому что она и есть тот самый чулан, а для того, чтобы преодолеть существующий в нем хаос, нужна память, которая расставит все на свои места и укажет путь к достижению конкретных результатов. П. Нора и вовсе говорит о том, что память вытесняет историю [Нора и др., 1999], хотя скорее данные явления просто начинают интенсивнее дополнять друг друга, преодолевая «ощущение утраты прошлого» и стимулируя «рефлексию о самом себе и своей истинности».

Заключение

Историческая память становится одной из сил прогресса, которая действует, прежде всего, в сфере культуры, политики и социальных отношений. И здесь следует сказать о глобальных стимулах развития общества, которые во многом связаны с «демократизацией истории».

В конце XX – начале XXI в. мир охватывает волна этноцентризма. Народы, которые ранее успешно существовали внутри многосоставных обществ, начинают бороться за независимость. Часто эта борьба носит даже не физический, так как народ фактически давно независим, а

ментальный характер, так как на него все еще воздействует консервативный (имперский) характер мышления, который якобы нужно изжить. Это явление можно назвать борьбой за историю, которая неизбежно приобретает спекулятивный характер. Кроме того, данная борьба связана с развитием групповой и идейной (религиозной) идентичностей, которые носят вторичный характер, но тем не менее являются частью комплексной национальной идентичности.

Именно здесь можно говорить о том, что коллективная память начинает доминировать над формальной историей и определяет путь ее развития и одновременно путь ее забвения вопреки исторической науке и мнению профессиональных историков. Память становится пространством политического, где действуют направленные механизмы сохранения, создания и подавления воспоминаний, и в данном ракурсе политика памяти неизбежно становится элементом культурного пространства будущего.

Библиография

1. Зензин А.С. Эволюция сетей доступа и сетей мобильного доступа. URL: <https://ppt-online.org/351038>
2. Зубец А.Н. Количественные оценки в истории (инструменты для клиометрии). URL: <http://old.fa.ru/chair/priklsoc/Documents/Количественные%20оценки%20в%20истории.pdf>
3. Козлов Н.И. Принцип «здесь и сейчас» и его применение. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/princip--kav-zn-zdes-i-seychas-kav-zn--i-ego-primenenie>
4. Кордуэлл М. Психология. А-Я. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.
5. Лесняк А. Депрессивные и шизофреники. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2013/46/depressivnyie-ishizofreniki/
6. Медушевский Н.А. Политика памяти – актуальный вызов регионального развития. В диалоге с книгой Элизабет Желин «Борьба за прошлое: как мы строим социальную память» // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 1А. С. 168-174.
7. Медушевский Н.А. Применение латиноамериканского опыта формирования региональной политики памяти в российской практике // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 1А. С. 157-167.
8. Нора П. и др. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. 328 с.
9. Шишкина А. Интернет-цензура и «арабская весна». URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz1-2014/23093-internet-cenzura-i-arabskaya-vesna.html>

Historical memory in the modern political discourse

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State Humanities University,
125993, 6, Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Abstract

The article aims to study historical memory in the modern political discourse as an important attribute of the dialogue between society and government. Historical memory is put on the agenda during national holidays, international negotiations, territorial disputes, social reforms, etc. The author of the article points out that the reasons for such relevance of the idea of historical memory lie in the fact that in a democratic society, society is an active participant in political relations and

establishes its interaction with the government with due regard to its experience and vision of the past. At the same time, society's vision of the past is not constant and may be subject to speculation. Thus, there is some manipulation of the public opinion on issues related to historical memory. Moreover, the role of a historian as a custodian of historical memory is largely devalued, since the conservative view on history is no longer considered democratic and the article states that history belongs to citizens, although citizens themselves perceive it only fragmentarily. This becomes a basis for political speculation and the implementation of the memory policy, i. e. the policy of managing citizens' memories associated with patriotism, the national idea and other forms.

For citation

Medushevskii N.A. (2019) Istoricheskaya pamyat' v sovremennom politologicheskom diskurse [Historical memory in the modern political discourse]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (3A), pp. 5-14.

Keywords

Historical memory, memory policy, collective memory, memories, self-perception.

References

1. Cardwell M. (1996) *A-Z psychology handbook*. (Russ. ed.: Cardwell M. (2000) *Psikhologiya. A-Ya*. Moscow: FAIR-PRESS Publ.)
2. Kozlov N.I. *Printsip "zdes' i seichas" i ego primeneniye* [The principle "here and now" and its application]. Available at: <https://www.psychologos.ru/articles/view/princip--kav-zn-zdes-i-seychas-kav-zn--i-ego-primeneniye> [Accessed 25/05/19].
3. Lesnyak A. *Depressivnye i shizofreniki* [People with depression and schizophrenia]. Available at: https://expert.ru/russian_reporter/2013/46/depressivnye-ishizofreniki/ [Accessed 25/05/19].
4. Medushevskii N.A. (2019) Politika pamyati – aktual'nyi vyzov regional'nogo razvitiya. V dialoge s knigoi Elizabet Dzhelin "Bor'ba za proshloe: kak my stroim sotsial'nuyu pamyat'" [The memory policy as a current challenge to regional development. In a dialogue with Elizabeth Jelin's book "Fighting for the Past: How We Build Social Memory"]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (1A), pp. 168-174.
5. Medushevskii N.A. (2019) Primeneniye latinoamerikanskogo opyta formirovaniya regional'noi politiki pamyati v rossiiskoi praktike [Application of the Latin American experience in the formation of the regional memory policy in Russian practice]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (1A), pp. 157-167.
6. Nora P. et al. (1999) *Problematika mest pamyati. Frantsiya-pamyat'* [The problems of the places of memory. France-memory]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University.
7. Shishkina A. *Internet-tsenzura i "arabskaya vesna"* [Internet censorship and the "Arab Spring"]. Available at: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz1-2014/23093-internet-cenzura-i-arabskaya-vesna.html> [Accessed 25/05/19].
8. Zenin A.S. *Evolyutsiya setei dostupa i setei mobil'nogo dostupa* [The evolution of access networks and mobile access networks]. Available at: <https://ppt-online.org/351038> [Accessed 25/05/19].
9. Zubets A.N. *Kolichestvennyye otsenki v istorii (instrumenty dlya kliometrii)* [Quantitative estimates in history (tools for cliometry)]. Available at: <http://old.fa.ru/chair/priklsoc/Documents/Количественные%20оценки%20в%20истории.pdf> [Accessed 25/05/19].